

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

*Санкт-Петербург, Россия
Кандидат философских наук**St. Petersburg, Russia
PhD
leonid.tchertov@googlegmail.com***К СЕМИОТИКЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ГРАНИЦ**

В статье понятие границы рассматривается с точки зрения пространственной семиотики и соотносится с такими ее специфическими категориями как тело, место, пространственная форма и др. Границы значимых тел или мест включаются в структуру автономного и сепаратного пространства, семиотизированного с помощью того или иного пространственного кода. В плане выражения каждого из этих кодов границы значимых в нем пространственных элементов выстраиваются в соответствии с его грамматическими правилами. Можно выявить и особый демаркационный код, в котором пространственные границы оказываются уже в плане содержания и маркируются разнообразными семиотическими средствами. Обозначенные средствами этого кода границы способны и сами выполнять семиотические функции и, в частности, их установление или снятие может быть символом каких-то важных изменений.

Ключевые слова: пространственная граница, значимое тело, значимое место, пространственная форма, автономные и сепаратные пространства, пространственные коды, демаркационный код.

**ON SEMIOTICS OF SPATIAL
BORDERS**

The concept of the border is considered in the paper in terms of spatial semiotics in relation to its specific categories: body, place, spatial form, etc. The borders of meaningful bodies or places are included into the structure of an autonomous and separate space which is semiotized by means of a certain spatial code. Each of these codes has its own grammar rules, and the borders of its significative spatial elements are arranged according to these rules in the mode of expression. One can also reveal a special demarcation code, where spatial borders are included into the contents and are marked by various semiotic means. The borders signified by means of this code are able to fulfill semiotic functions, in particular, their establishment or removal can be a symbol of some important changes.

Key words: spatial border, meaningful body, meaningful place, spatial form, autonomous and separate spaces, spatial codes, demarcation code.

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

Понятие границы и категории пространственной семиотики

Понятие границы может только тогда определиться и работать как пригодный исследовательский инструмент, когда из безграничного разнообразия возможных смыслов будет вычленен ограниченный набор его признаков. В данной статье такое ограничение понятия связывается, прежде всего, с тем, что в ней речь пойдет только о пространственных границах. Границы иного рода – между периодами времени, между логическими классами и другие будут отмечаться только в связи с рассуждениями о пространственных границах. Еще одно вводимое здесь ограничение определяется тем, что понятие границы будет рассматриваться в концептуальной системе пространственной семиотики. Это предполагает соотношение пространственной границы, во-первых, с общими семиотическими понятиями: знак, значение, семиотическая система, текст и другие. Во-вторых, если граница рассматривается в системе именно пространственной семиотики, она должна быть соотносима со специфическими понятиями последней: значимое тело, значимое место, семиотизированное пространство и т. п.

Семиотика пространства имеет основания для выделения в особую ветвь науки о знаках в силу особенностей своего предмета – значимых пространственных отношений. Организованные этими отношениями пространственные тексты существенно отличаются своей синтактикой, поскольку структуры их плана выражения могут иметь иные семиотопологические свойства: неоднородность, обратимость, анизотропность, непрерывность, разнообразное сочетание симметрии и асимметрии и прочие. Они отличаются и по своей семантике нередкой «мотивированностью» значений и способностью запечатлеть преходящее. Эта способность связана уже и с особенностями прагматики –

временным разрывом между актами создания и интерпретации пространственных сообщений¹.

Оформление и осмысление пространства в соответствии с определенными нормами есть его *семиотизация*. Поскольку возможны различные системы таких норм, семиотизация пространства может производиться разными способами. Каждая из таких семиосистем представляет собой *пространственный код*, задающий синтаксические, семантические и прагматические правила семиотизации пространства. Результатами применения этих правил становятся *пространственные тексты* и регулярное соотношение друг с другом их планов выражения и содержания, то есть воспроизведение с их помощью определенных *смыслов*.

Пространства, семиотизированные в соответствии с разными кодами, можно рассматривать как *автономные* – в той мере, в которой значимые пространственные отношения в каждом из них подчиняются своим собственным законам, и как *сепаратные* – в той мере, в которой они обособлены и отграничены от других пространств, пусть и принадлежащих тому же типу автономии.

Семиотика пространства включает в свой предмет как значимые тела, так и их значимое размещение в семиотизированном пространстве. В нее входят, поэтому, и «семиотика тела», и «семиотика места». Только при таком условии могут быть рассмотрены многие пространственные коды, в которых размещение значимой формы на значимое место служит одним из важнейших семиотических средств.

Поскольку пространственные коды различаются нормами построения плана выражения, можно говорить об особой грамматике каждого из них. В той мере, в которой обнаруживается сходство их грамматических категорий, правомерно говорить и об общей грамматике пространственных кодов. В рамках такой общей грамматики могут

¹ См. подробнее Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур. 2014. С. 91–102.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

рассматриваться и соотношения категории *пространственной границы* с другими универсалиями пространственной семиотики: «значимое тело», «значимое место», «значимая пространственная форма» и т. п.

Значимые тела – это воспринимаемые телесные объекты, с которыми связываются определенные значения в системе того или иного пространственного кода. Такими телами могут быть как намеренно созданные людьми предметы или сооружения, так и естественно возникающие тела, живые и неживые, если с их формами связывается какой-то устойчивый способ истолкования².

Наряду со значимыми телами, для пространственной семиотики существенны и *значимые места*. Однако «место» – неоднозначное слово, с которым могут связываться разные понятия.

Место может быть понято как определенный способ вхождения каких-то постоянных или переменных объектов в пространственную структуру, прежде всего, порядковую. Такое место фиксирует пучок отношений между пространственными объектами, но само пространственным объектом не становится, если под последним понимается лишь то, что способно вступать в пространственные отношения. Не вступая в эти соотношения, порядковое место не имеет ни величины, ни формы, ни границы. Будем называть такое порядковое место «*вхождением*».

Местом может быть назван и определенный пространственный объект, если есть способ зафиксировать его положение среди других пространственных объектов. Например, поднятый флаг или разожженный костер могут отмечать некоторое место с выделенным центром и более или менее определенной периферией. Такое место будет уже иметь протяженность, которая, однако, останется не определенной, если не фиксированы его пространственные границы. Назовем понятое таким

образом место «*окрестностью*» (отмеченного центра).

Место можно понимать и как такой пространственный объект, который имеет не только фиксированное положение, но и определенную величину, а вместе с ней и очерчивающую его границу, и определенную форму – конфигурацию границы. Будем называть такой очерченный границей пространственный объект «*локусом*».

Возможно и такое понимание места, которое допускает его перемещение и не связывает с фиксированным положением среди других мест. Так, чемодан, посылка или сосуд могут быть признаны отдельным «переносимым местом»³. Такое перемещаемое место соединяет в себе свойства и локуса, и тела: как локус оно допускает возможность поместить что-то иное внутри своих границ, а как тело способно само перемещаться. Будем называть этот тип места «*оболочкой*».

Случай с оболочками особенно наглядно показывает, что различия между значимыми телами и местами не абсолютны и зависят от точки зрения. На теле могут быть выделены свои локусы, а значит, локус бывает привязан к определенному телу. Но локус и тело различаются по признаку проницаемости: в локус может быть что-то помещено без его деформации, а в тело – нет, если в нем изначально не сформирован необходимый для этого локус. Место – это то, что может быть заполнено телами, куда что-то другое может быть помещено или перемещено; тело же – это то, что помещается или перемещается. Чтобы вставить в тело другое тело, нужно либо найти в нем пригодный для этого локус, либо, по крайней мере, одно из них деформировать – изменить его форму. Если в футляр кладется другой предмет, футляр функционирует уже не как тело, а как локус.

Помещенное на место тело не становится его частью, хотя и тело, и локус могут быть частями более обширных образований (тел и локусов,

² См. подробнее Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур. 2014. С. 124–128.

³ Аристотель Физика / Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль. 1981. С. 127, 132.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

соответственно), а также сами дробиться на более мелкие (одноименные) части. Поэтому локус может быть помещен на более обширное место или встроен в иерархию мест, а также, в свою очередь, стать местом для парциальных мест.

Совокупность мест, в которых могут размещаться значимые тела и значимые места, образует уже *семиотизированное пространство*, если отношения между содержащимися в нем объектами подчинены нормам какой-то определенной семиотической системы (пространственного кода). Такое пространство будет *автономным* в силу того, что правила кода задают особый закон организации этих пространственных отношений, и *сепаратным*, если оно обособлено границами от других пространств и образует особую среду для пребывающих и изменяющихся в нем объектов.

Особенности этой среды могут быть связаны с тем, что в ней складываются: 1) свой собственный единый порядковый строй отношений, 2) единая мера протяженности и 3) преемственность, или генетическая связь, состояний. При этом *единый порядковый строй* понимается как возможность определить порядковые соотношения между любыми значимыми местами, включенными в данное семиотизированное пространство; *единая мера протяженности* – как возможность соотнести значимые пространственные объекты друг с другом по величине с помощью общего эталона, а *преемственность состояний* – как наличие генетической связи последующих состояний с предыдущими. Пространства, принадлежащие даже одному и тому же типу автономии, обособляются друг от друга и оказываются сепаратными, если они различаются между собой хотя бы по одному из этих признаков.

Так, например, географическая карта, фотография, диаграмма и письменный текст, пусть и напечатанные на одной странице, образуют разные сепаратные пространства, семиотизированные по разным законам и потому принадлежащие разным типам автономии. Разные карты на страницах географического атласа, хотя и имеют общий тип автономии, оказываются разными сепаратными про-

странствами, поскольку каждая из них имеет свой собственный порядковый строй и, нередко, свою особую меру величин (масштаб).

Семиотизированные сепаратные пространства могут содержать не один, а много разных пространственных текстов, возможно также, сменяющих друг друга во времени. Если в таких текстах не сохраняется преемственность состояний, то одно сепаратное пространство сменяется другим. Так, разные позиции на шахматной доске могут рассматриваться как разные пространственные тексты, сохраняющие генетическую связь состояний в рамках одного сепаратного пространства; но в каждой новой партии эта связь состояний прерывается и на той же доске, в тех же физических границах, складывается новое сепаратное пространство. Если в сменяющих друг друга текстах меняются еще и коды, регламентирующие нормы их образования и интерпретации, то вместе с ними может измениться и тип автономии семиотизированного в соответствии с их нормами сепаратного пространства (например, если шахматами начинают играть в шашки). Тогда произойдет уже *ресемиотизация* этого пространства. Ресемиотизация может ограничиться только изменением кода, когда те же пространственные формы начинают означать нечто совсем иное. Но она может быть более радикальной и включать в себя реорганизацию пространства, в частности – изменение его внутренних и внешних границ. Сепаратное пространство может оказаться и вовсе *десемиотизированным*, если содержащиеся в нем объекты перестают соотноситься с какими бы то ни было семиотическими системами.

На пути к семиотическому пониманию *пространственной границы* будем исходить из ее «наивного» общего понимания как места, где кончается что-то одно и начинается что-то другое. Уже отсюда следует, что, во-первых, граница есть некоторое *место*; во-вторых, что на этом месте происходит *обособление* одного от другого; в-третьих, что граница *прилегает* к тому и другому; в-четвертых, что она находится *между* ними; в-

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

пятых, что то и другое, примыкая к одной и той же границе, *соседствуют* друг с другом.

Правда, в отношении последнего пункта возможны варианты: в первом случае «то» и «другое» непосредственно касаются своими границами друг друга, во втором случае они соприкасаются с общей границей, которая не принадлежит ни «тому», ни «другому». Эти варианты связаны с различием функций *ограничения* и *разграничения*⁴. В случае ограничения границы отделяют некий пространственный объект (тело, территорию) от всего его окружения, в случае разграничения они разделяют его на части – зоны, области и др.

Границы, отделяющие объект от окружения, принадлежат объекту, а не окружению – как, например, кожа лимона, корпус машины, стена дома и т. п. Если объекты перемещаются, то и принадлежащие им границы перемещаются вместе с ними. Понимание границы как части ограниченного ею объекта может распространяться и на неподвижные территории. Так, берег моря – это часть суши, представляемая и как ее граница. В этом смысле, можно «служить на границе» как с одной, так и с другой стороны разделительной линии, находясь на территории того или иного из сопредельных государств. Языковое сознание в подобных выражениях фиксирует представление о границе как о крае территории, месте, за которым она кончается. У соседних государств эти места различны и не совпадают не только друг с другом, но и с пограничной полосой, которая находится между этими территориями и не принадлежит ни той, ни другой.

Такая полоса представляет собой пример иной трактовки понятия границы как пространственного объекта, находящегося между другими объектами и разделяющего их. Подобные случаи относятся уже к иному типу границ, которые не

принадлежат разграничиваемым с их помощью объектам; это «зоны двунаправленности»⁵.

В любом случае граница представляет собой особый пространственный объект, который имеет определенные протяженность, форму и расположение. Хотя граница всегда связана с неким местом, «где кончается одно и начинается другое», она может быть отмечена не только фиксированным локусом, но и телом, расположенным на этом месте, или «квазипредметной» частью тела – поверхностью, контуром или точкой.

Что именно представляют собой «одно» и «другое» может быть уточнено различным образом, в частности, в категориях пространственной семиотики. В этих категориях можно говорить о границах значимых тел, значимых мест (локусов) или сепаратных семиотизированных пространств с другими телами, местами или пространствами. Тогда *границу*, уже как категорию пространственной семиотики, можно будет определить как отмеченное тем или иным образом *место изменения значимый* сопредельных тел или мест в семиотизированном пространстве или место изменения всего строя значимых пространственных отношений, характеризующих данное сепаратное пространство.

Не всякая пространственная граница выполняет семиотические функции. Она может быть, например, естественной границей какой-то среды или тела – как, скажем, скорлупа ореха. Точно также артефакты, которые удовлетворяют понятию пространственной границы, не всегда вступают в сеть семиотических связей и могут оставаться только вещественно-энергетической преградой для физических перемещений за них – как, например, плотина или дамба.

Чтобы выполнять еще и семиотические функции, пространственные границы должны как-то включаться в процессы семиозиса. Они могут это делать, становясь либо средствами плана вы-

⁴ Ср.: Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена. 1999. С. 28.

⁵ Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. М.: НЛЮ. 2001. С. 534.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

ражения пространственных текстов, либо тем, что имеется в виду в их плане содержания. В первом случае границы указывают на различия свойств и значений ограниченных или разграниченных ими объектов. Во втором случае они сами становятся обозначаемыми объектами. Слово «граница» применяется в обоих случаях, так же как и понятие границы может быть уместно по обе стороны разделения плана выражения и плана содержания.

**Границы в плане выражения
пространственных текстов**

Взятые как элементы плана выражения пространственных текстов, границы могут рассматриваться и как то, что ограничивает значимые тела и места, определяя их формы, и как то, что разграничивает построенные из тех и других значимые конструкции. В грамматике пространственных кодов этому различению соответствуют морфологические и синтаксические аспекты семиотики границ.

В рамках *морфологии* пространственных кодов категория границы рассматривается в соотношении с формами значимых тел и мест (локусов).

Граница *значимого тела* – это *поверхность*, которая очерчивает его форму. Как и все тело, она имеет определенную величину, фигуру, цвет, текстуру. Эта поверхность может быть внешней или внутренней частью формы тела (как у дома или сосуда). И ту, и другую можно рассматривать и как место, где кончается тело, и начинается что-то другое – иное тело, место или сепаратное пространство.

Поскольку поверхности, ограничивающие тело, различаются между собой, можно говорить и о *границах* тела, во множественном числе. Основаниями для дифференциации поверхностей как границ тела могут быть различия в их расположении, дистанция или границы между ними. Так, грани куба, разграниченные между собой его ребрами и развернутые в разных направлениях, образуют его

границы. Сложнее различить границы на непрерывной поверхности шара, но и там могут быть различены полюса и экватор как разные участки его границ. Если эта поверхность будет разграничена, скажем, как глобус, нанесенные на нее границы будут уже не отделять тело глобуса от других тел, а разделять значимые места на его поверхности.

Очевидно, что свои границы может иметь и значимое *место*. Из сказанного выше следует, что о границах места правомерно говорить только по отношению к локусу, стабильному или мобильному («оболочке»), поскольку ни порядковое место (вхождение), ни окрестность не имеют границы по определению. Если локус – это место с конечной протяженностью, то его границами будут пределы этой протяженности, за которыми в него уже ничто не может быть помещено. Они могут совпадать с внутренними границами охватывающего его тела, как в случае с оболочками, или образуются примыкающими к нему телами и ограничивающими их поверхностями. При таком понимании границы она уже не отождествляется с краями локуса, которые остаются его частями, а рассматривается как часть какого-то иного, сопредельного с данным локусом и объемлющего его тела⁶. Этим граница локуса отличается от границы тела, которая всегда принадлежит ему и сдвигается вместе с ним.

Конфигурация границ локуса, как и конфигурация границ тела, образует пространственную форму того и другого. При этом категории «*форма*» и «*границы*» не тождественны. Между ними сохраняются содержательные различия, даже если в конкретных пространственных объектах они совпадают. Границы – это то, что всегда находится между чем-то и чем-то, то, что отделяет или разделяет (и потому, хотя бы негативно, связывает) какие-то разные среды. Форма же (понятая как пространственная фигура) – это некая конфигурация пространственных отношений в их качественной и

⁶ Ср.: Аристотель Физика / Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М.: Мысль. 1981. С. 131.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

количественной определенности, совокупность соотношений пространственных частей друг с другом и с целым. Форма не связана ни с тем, что она ограничивает, ни с тем, от чего она ограничивает. Она может вноситься в некоторую субстанцию и извлекаться из нее (например, в снимке), но как схема соотношения частей от нее не зависит.

Иное дело граница, всегда связанная с субстанциями, которые она разграничивает и вне отношения к которым не существует. Она всегда есть граница данного тела, данного места, или данного сепаратного пространства; она всегда отделяет что-то от чего-то иного или разделяет их. Границы оформляются, когда проясняется их конфигурация, и, соответственно, форма субстантивизируется, когда совмещается с границами определенного тела или места. Одна и та же форма, например, квадрата, будет идентична себе в любой субстанции, что бы и от чего бы она ни отграничивала. Напротив, квадратные границы одного стола, пусть и как угодно сходные с квадратными границами других столов, – это границы разные, именно потому, что различаются объекты, которые ими ограничиваются.

Особый случай – тождество формы объемлющего и объемлемого тел, первое из которых Аристотель трактовал как место второго. Дверь и дверной проем могут иметь одну и ту же форму и даже совпадать по величине. Но границы двери и границы проема, объемлемого и объемлющего тела не тождественны даже, если одно из них точно укладывается в другое. Сходным образом не совпадают границы скульптуры («модели») и снимаемой с нее гипсовой «формы» – при том, что сам процесс «снятия формы» предполагает ее сохранение и возможность переноса с одного тела на другое. Однако как тело снятая «форма» антисимметрична по отношению к форме копируемой скульптуры. Соотношения между ее частями меняются на обратные: выпуклое превращается в вогнутое, а отношения «левее-правее» заменяются своими конверсиями. При этом конфигурация границ и их пропорции – то есть собственно *форма* без кавы-

чек, переносимая с одних тел на другие, – остается неизменной, поскольку представляет собой то общее, чем обладают объемлющее и объемлемое тела. «Форма» же как сделанное мастером объемлющее тело становится далее местом-емкостью, куда заливается материал, принимающий в ней форму копируемой скульптуры. Можно сказать, что сохранение ее формы при этом обеспечивается воспроизведением конфигурации границ сначала между моделью и снятой с нее формой, а затем – между этой формой и отливкой.

Совмещение формы тела и ограниченного им места присутствует и в случае «оболочки» – пространственного объекта, который соединяет в себе функции тела и места. Такой объект имеет внешнюю и внутреннюю стороны, «экстерьер» и «интерьер» (например, сосуд, футляр, палатка). Его внешняя сторона – форма тела, которая может быть сопоставлена с формой других тел и расположена на определенном месте. Его внутренняя сторона в то же время – форма места (локуса), в котором могут располагаться другие тела и места. Так, *помещение* в доме служит местом для того, что в нем располагается. Стена, которая отделяет это помещение от внешнего мира, служит его границей со своей интерьерной стороны и границей дома со стороны экстерьера. Она представляет собой *значимое тело*, две стороны которого выполняют сходные, но разные функции – *границы тела* (дома в экстерьере) и *границы места* (помещения в интерьере). Сходным образом, различаются по своим функциям внешние и внутренние стенки сосуда как «переносимого места» и других емкостей.

Если граница отдельного тела или места остается предметом пространственной морфологии, то граница между телами – это уже категория пространственной *синтактики*, фиксирующая не формы единичных носителей значений, а их соотношения в некоторой значимой пространственной конструкции. Значимые тела и места вступают в соотношения, регламентированные кодом, в результате чего образуются *синтаксические конструкции* пространственных текстов.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

В таких синтаксических конструкциях значимым становится *разграничение*, при котором в качестве самостоятельных элементов начинают выступать внутренние границы между их частями или их внешние границы как частей более обширной синтаксической конструкции. Если собственные границы значимого тела принадлежат ему и совпадают с его внешней формой, то границы *между телами*, разграничивая образуемую ими конструкцию, не принадлежат ни одному из них и отличаются от их форм. Такими границами могут быть швы, щели и прочие промежутки между значимыми телами.

Точно так же свои синтаксические конструкции образуются и в результате разграничения примыкающих друг к другу значимых *мест* (*локусов*). Таковы, например, конфигурации всевозможных стен, стенок, барьеров и других значимых тел, возводимых для разграничения разнообразных и разномасштабных участков пространства – от планировки помещений в большом здании, до разграничения отсеков в портмоне. В том же ряду окажутся и планировка города, разбивка парков и садов, разметка игровых площадок и прочие случаи, в которых роль границ выполняют не тела, а значимые места – например, проспекты и улицы, как границы микрорайонов в городе.

Сходным образом речь может идти уже не только о границах между местами, но и о границах между *сепаратными пространствами*. Они образуются, например, между пространствами действий разного рода: предметного, социального, ритуального, театрального, игрового; между пространством действия и пространством созерцания (например, картиной); между разными пространствами созерцания (между картинами или внутри картины); между игровыми пространствами (шахматные доски, вплотную примыкающие друг к другу) и т. д.

Как и для локусов, границами для пространств могут служить тела (например, рама картины или зеркала), другие локусы (нейтральная полоса), графические индексы (например, контуры

рисунка или линии, очерчивающие игровую площадку).

Границы сепаратного пространства могут быть названы *«рамой»*, понятой в широком семиотическом смысле – как тело или место, указывающее на переход от одного сепаратного пространства к другому. Таковы не только рамы картин, но и рамки всевозможных иных семиотизированных пространств, включая сепаратные пространства схем, таблиц, географических карт и т. п.

Свои конкретные синтаксические и семантические функции пространственные границы приобретают лишь в системе определенных пространственных кодов, которые представляют собой способы семиотизации пространства, различимые и по тому, какое содержание выражается с их помощью, и по тому, как организован их план выражения⁷.

Так, в *предметно-функциональном коде* (ПФК) основными единицами плана выражения служат значимые формы искусственно создаваемых человеком пространственных тел предметов и сооружений, а их значениями в плане содержания становятся представления об их функциях – унифицированные и воспроизводимые схемы орудийных действий, связываемые с ними. Как уже говорилось, такие формы пространственно совпадают с конфигурацией границ этих тел – совокупностью их внешних и внутренних поверхностей, оформленных и осмысленных в соответствии с нормами ПФК и образующих, тем самым, соотносительный с этими нормами пространственный текст.

Говорилось выше и о том, что границы тела могут рассматриваться также как границы прилегающих к ним значимых мест. Таковы, например, всевозможные «оболочки» – от одежды и аксессуаров до архитектурных сооружений, стены которых соотносены и с экстерьером, и с интерьером⁸.

⁷ См.: Чертов Л. Ф. Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур. 2014. С. 79–90, 124–131.

⁸ Ср.: Габричевский А. Г. 1994. Одежда и здание // Вопросы искусствознания 2–3/94. М.: 381–404.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

В том же ключе может быть трактован и транспорт – как ряд помещений, поставленных на колеса и перемещаемых относительно других пространственных объектов (кабины автомобилей, фургоны, вагоны и пр.) Подвижность этих «перемещаемых мест» отличает их от недвижимых архитектурных сооружений и сближает с сосудами, коробками, сумками, футлярами и прочими предметами-емкостями. *Емкость* в таком случае может быть понята как категория грамматики ПФК, в которую попадает всякое тело, имеющее своей предметной функцией место, то есть предмет, трактуемый как локус, границы которого могут передвигаться, сохраняя исходную конфигурацию. В разнообразных случаях предметов-емкостей, наряду с морфологией их значимого тела, связанной с конфигурацией их внешних границ, есть основания выделять и синтактику их внутреннего разделения на локусы, связанную с разграничением значимых мест.

В *социально-символическом коде* (ССК), средствами которого выражаются социальные роли людей, значимыми становятся совмещения тела и места, то есть значимое соотнесение их границ. При этом либо тела значимых предметов определенным образом включаются в индивидуальное пространство человека, либо, наоборот, это пространство включается в значимую систему мест архитектурно оформленного социального пространства. Например, надевание обручального кольца на палец, короны на голову, мундира на плечи, помещение ордена на этот мундир, усаживание на трон и тому подобные действия в предметной среде представляют собой случаи значимого соотнесения границ предметных форм с границами индивидуального пространства той или иной персоны. Такое значимое соотнесение границ может служить пространственным эквивалентом суждений, утверждающих связь данной персоны с определенными социальными ролями («супруг», «монарх», «офицер» и т. п.).

В *гаптической* коде (ГК) единицами оказываются значимые соприкосновения – то есть совмещения границ тел разных людей, их индивиду-

альных пространств, касания их границ в тех или иных местах и тем или иным образом: в рукопожатии, объятиях, поцелуе, пощечине и т. п.⁹

В *проксемическом* коде (ПК), напротив, значимы дистанции между людьми, приближение или удаление границ их тел, большие или меньшие расстояния между границами их индивидуальных пространств¹⁰.

В синтаксических конструкциях *архитектонического* кода (АК) дискретные части сооружений разделены более или менее определенными границами, с помощью которых выражается различие функций этих частей в конструкции: «опора», «перекрытие», «сочленение» того и другого и т. п. Так, капитель, ствол, базис и другие морфологические единицы классического ордера (как версии АК) отделены друг от друга «швами» и могут рассматриваться как части синтаксической конструкции колонны.

В *перцептографическом* коде (ПГК) – системы изобразительных средств, с помощью которых стимулируется восприятие отсутствующих предметов – сама плоскость изображения может рассматриваться как особого рода граница между пространством предметного окружения созерцающего субъекта и изображенным пространством, которое как-бы находится «за» этой плоскостью. При этом разграничение двух пространств может быть более или менее жестким: плоскость изображения может трактоваться, скорее, как стена, разделяющая эти пространства или, скорее, как окно их объединяющее.

В тех версиях ПГК, которые допускают использование контуров (например, в линейной графике, в чертежах и др.), границы-контур становятся, с одной стороны, условными элементами плана выражения, которые указывают на различие

⁹ См.: Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: НЛЮ. 2002.

¹⁰ См.: Hall E. Proxemics — the Study of Man's Spatial Relations // Galdston I. Man's Image in Medicine and Anthropology. N. Y.: Int. Univ. Press. 1963.

ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS AND IN-BORDERS LIFE

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

участков изобразительного пространства с разными значениями, а с другой стороны – безусловными стимулами, способными вызывать восприятие изображаемых с их помощью предметов. Поэтому, наряду с индексальными, они выполняют еще и моделирующие (иконические) функции.

Сходным образом, в пространственных текстах, регламентированных нормами *картографического кода* (КГК), например, в контурных картах, такие же контуры играют роль границ, представляя собой означающие, которые сочетают индексальные и иконические функции и указывают на различие участков репрезентируемого пространства с разными значениями.

В *кодах письма* создаются специальные знаки препинания для обозначения границ предложения, фразы, абзаца, законченного текста и т. п. По отношению к таким знакам границы отмеченных ими единиц письменного текста становятся уже означаемыми и переходят в его план содержания.

Границы в плане содержания пространственных текстов. Демаркационный код

Если граница трактуется как означаемое, она представляет собой отмеченное каким-то образом место – локус, имеющий свои особые свойства и способный быть значением семиотических средств, которые указывают на него, но ему не тождественны. Этими средствами могут служить словесные описания границы или какие-то пространственные указатели: ограда, пограничные столбы и т. п. Первые участвуют в «делимитации» границ, вторые – в их «демаркации». Как делимитированная, так и демаркированная граница остается объектом, обозначаемым с помощью тех или иных знаков и принадлежащим *плану содержания* текстов, построенных средствами вербального языка или каких-то иных семиотических систем. Демаркация границы с помощью невербальных средств как будто бы синонимична ее делимитации

с помощью слов. Однако способы обозначения у них существенно различаются, а вместе с тем различаются и их семантические функции.

Комплекс культурно обусловленных норм, с помощью которых производится демаркация пространственных объектов в том или ином сегменте семиотической практики будем называть *демаркационным кодом* (ДК). Как и всякий другой пространственный код, ДК регламентирует организацию значимых элементов плана выражения в образуемых ими синтаксических конструкциях и их соотнесение со значениями в плане содержания. В результате семиотизации пространства с помощью средств ДК создаются особые пространственные тексты, указывающие на границы между соприкасающимися друг с другом локусами или сепаратными пространствами. Маркированная таким образом сеть границ будет относиться уже к плану содержания этих текстов.

Визуально-пространственные средства демаркации границ весьма вариативны, так же, как многообразны и сферы их применения. Стена, ограда, барьер, ров, черта, пограничные столбы, вспаханная полоса, протянутая лента, красные флажки на натянутой веревке, линии разметки, знаки препинания и тому подобные визуально-пространственные средства обозначения представляют собой элементы разных версий ДК, которые различаются как масштабами разделяемых с их помощью участков, так и своими значениями. Сферами применения средств ДК могут быть границы государств и территорий с разными функциями, земельных участков разных владельцев, движение на дорогах, разграничения на выкройке, на географической карте, письменные тексты и многое другое.

При всем многообразии версий ДК, его семиотические средства объединяет то, что в *плане содержания* они маркируют границы между участками пространства, которым придаются разные значения. В отличие от знаков вербального языка, способных обозначать границы независимо от пространственного или временного появления вблизи

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

них, средства ДК указывают как на границу именно то место, где они находятся и тогда, когда они находятся на этом месте. Эти средства выполняют, тем самым, индексальную функцию, отмечая места, в которых происходит изменение значений разграниченных с их помощью участков пространства. Как и всякий индекс, демаркационные знаки привязаны к ситуации своего предъявления, в данном случае – к месту, которое благодаря им, фиксируется.

Вместе с основной и обязательной для семиотических средств ДК индексальной функцией, они выполняют, как правило, также и сигнальную функцию, предписывая с большей или меньшей мерой обязательности движения и действия человека, который с ними сталкивается. В качестве сигналов эти элементы направляют поведение субъекта, который, в зависимости от конкретной прагматической ситуации, должен как-то реагировать на них: остановиться, отойти, обойти, перейти через границу и т. д.

Если по своей семантической функции элементы ДК всегда представляют собой индексы, указывающие на границу в силу пространственной смежности с ней, то по своей структуре (а вместе с тем и по своему генезису) они могут принадлежать знаковому типу информационной связи и быть соотносены со своим значением за счет конвенции (в том смысле, в котором конвенциональные знаки отличаются от индексов).

В этом отношении можно проводить аналогию между пространственными границами и индексами или «шифтерами» в вербальном языке¹¹. Так, местоимения, например, «тот» или «этот» имеют конвенциональные значения, фиксирующие определенный способ вхождения в ситуацию их употребления соотносимого с ними объекта. В то же время, они всегда приобретают разные конкретные значения в ситуации речи в зависимости

от контекста и, часто, – от сопровождающего их указательного жеста.

Подобно местоимениям «здесь», «там», «это», «то» и т. п., метки демаркационного кода представляют собой, с одной стороны, универсальные указатели, индифферентные к свойствам и смысловым различиям разграничиваемых с их помощью мест. Они способны отмечать что угодно в силу того, что не фиксируют никаких определенных признаков того, что с их помощью разграничивается. С другой стороны, они могут выполнять свои индексальные или сигнальные функции и приобретать конкретные значения, только оказавшись на определенном месте и будучи привязанными к нему.

Если тело, способное становиться таким индексом, перемещается в пространстве, например, если перевозится ограда, его предметная форма может узнаваться как ограждение и уже обозначать его функцию как ее знак, но оно еще не выполняет свою основную роль указателя границы, которую получит только тогда, когда установится на своем месте. Если место этого тела изменилось, оно указывает уже и на другую границу. Таким образом, возведение на определенном месте или снятие маркеров может быть не только средством фиксации границы, делимитированной уже до этого каким-то образом, но и средством ее образования или уничтожения. Очевидно, что в подобных случаях, помимо пространственных измерений, значимым становится еще и время.

Установление такого индекса границы или, наоборот, его снятие могут сами становиться значимыми действиями, пространственно-временными текстами. С этим могут быть связаны и символические функции, которые семиотические средства ДК способны выполнять, если к их интерпретации подключаются и какие-то другие коды. В качестве символа граница может репрезентировать какие-то политические и идеологические ценности, связанные с ее целостностью. Например, возведение, а затем демонтаж Берлинской стены – не только средство демаркации, но и символ измене-

¹¹ Ср.: Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разных стран. М.: Наука. 1972. С. 95–113.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

ния политической ситуации в Европе в ту или иную сторону. Символами становятся не только значимое возведение или снятие границы, но и значимое пересечение – вхождение во храм, в дом, в город¹².

Следует отметить вообще, что для средств ДК характерна символичность в широком смысле, понятая как возможность интерпретации в семиосистемах сразу нескольких кодов. Так, например, стена дома не только физически разделяет помещения с разными функциями и семиотически маркирует эти различия в системе ДК как «граница» между ними, но и может одновременно трактоваться в системе АК как «опора», в системе предметно-функционального кода как «защита», в системе ССК как символ социальных барьеров и т. п.

Средства ДК способны выполнять и *моделирующие* функции, если они выстраиваются в иконическую модель некоего моделируемого объекта. Такую функцию имеют, например, обозначения границ на географической карте и, разумеется, контуры изображаемого объекта на рисунке.

В последнем случае особенно наглядно присутствует совмещение средств ДК с другими способами семиотизации пространства. С одной стороны, рисование может быть представлено как разграничение форм в изображаемом пространстве созерцания средствами разметки, сходными с теми, которыми пользуется и закройщик для демаркации своего пространства действия. С другой стороны, рисовальщик может пользоваться еще и другими средствами – перспективными сокращениями, светотенью и др. В этом отношении контурный и светотеневой рисунок различаются как разные версии ПГК, по-разному относящиеся к ДК. Контурный рисунок сводится к пространственному тексту, построенному средствами ДК, но участвующими в стимулировании восприятия моделируемых этим

рисунком предметов. Его элементы – квазипредметные границы, линии, разделяющие значимые локусы пространства изображения. В тоновом рисунке такие границы присутствуют только на начальной его стадии и, по мере работы над ним, заменяются границами изображенных тел. Элементы ДК в этом процессе замещаются теми элементами ПГК, с помощью которых репрезентируются границы тел уже в изображаемом пространстве – то есть в плане содержания изображения как пространственного текста.

В *плане выражения* ДК для обозначения границ привлекаются разнообразные пространственные маркеры – видимые пространственные объекты, которые могут принимать вид отдельных значимых тел и значимых мест, иметь предметную или квазипредметную форму (чем различаются, например, шлагбаум и дорожная разметка).

Семиотические средства демаркации остаются таковыми лишь постольку, поскольку сохраняют не только связь с маркируемой с их помощью границей, но и свои отличия от нее. Всякий индекс представляет собой часть ситуации, на которую он указывает, и с которой он совмещен в большей или меньшей степени. Но он остается семиотическим средством лишь постольку, поскольку не совпадает с ней полностью. Например, граница плоской горизонтальной поверхности как ее индекс может простирается в новое вертикальное измерение или быть начерченной линией.

Обозначения границ некоторого локуса корректно рассматривать в понятиях пространственной семиотики как *пространственный текст*, построенный в системе ДК. Значимыми частями такого текста служат отдельные «звенья цепи» индексов, составляющие *синтаксическую конструкцию*, с помощью которой обозначаются пространственные границы.

Синтаксические отличия средств ДК от вербальных связаны с их ориентацией на визуально-пространственный канал и с особенностями его топологии: способностью выстраивать значимые конструкции, развернутые в двух или трех измере-

¹² См.: Ван Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Изд. фирма «Восточная литература». РАН. 1999.

**ГРАНИЦЫ И ПОГРАНИЧНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ / IN-CULTURE BORDERS
AND IN-BORDERS LIFE**

Леонид Файбышевич ЧЕРТОВ / Leonid TCHERTOV

| К семиотике пространственных границ / On semiotics of spatial borders |

ниях, непрерывные, обратимые, анизотропные, симметричные, асимметричные и т. п.

Вместе с тем семиотические средства ДК могут участвовать в образовании не только чисто пространственных, но и пространственно-временных текстов – как уже было видно в случаях символического установления, снятия или пересечения границы. Пространственно-временной характер имеют тексты и таких специфических семиотических систем, как игры, в которых также используются семиотические средства ДК. Семиотическими эти системы становятся в той мере, в которой пересечение пространственной границы оказывается значимым действием, текстом, в плане содержания которого – изменение счета и в итоге – победа или поражение. Например, в играх с мячом значимо пересечение границ игрового пространства – попадание мяча в ворота или корзину, как в футболе или баскетболе, или его выход из этого пространства – как в волейболе или теннисе. Здесь везде более или менее развитая синтактика соотнесена с семантикой, пусть и не сложной

(сопровождаемой, впрочем, часто сильными эмоциональными коннотациями). Семиотизированные с помощью ДК игровые пространства могут служить удобной моделью для описания демаркации сепаратных пространств иных типов и значимых пересечений размеченных в них границ.

Эмоциональные коннотации будут относиться уже к *прагматике* ДК, для различных аспектов которой синтаксические и семантические нормы этого кода создают только условия. В прагматическом аспекте различимы позиции интерпретатора, который может уже не только оставаться нейтральным наблюдателем, изучающим граничные ситуации со стороны, но и быть вовлеченным в них в том или ином качестве. Он может наткнуться на глухие стены извне как незваный гость или, наоборот, оказаться запертым в них как пленник. В таких случаях ситуации ограничения или разграничения приобретают для него вполне определенные личностные смыслы, которые могут быть безгранично разнообразны. Но безграничность, как было сказано в начале статьи, остается за ее пределами.

